

Курица издавала глубокое, глухое кудактанье где-то в глубине горла, а её острые, сильные желтые лапы то и дело разгребали землю на ходу.

Чанся обеими руками прижимал к себе пять-шесть крупных капустных листьев — они уже повяли и для человеческой еды не годились, но для того, чтобы порубить их и скормить птице, подходили в самый раз.

Пэй Яо следовал за ним по пятам, и они вдвоем через узкий проход между стенами вышли на задний двор.

Куриное кудактанье ничуть не потревожило покой упитанной свиньи, которая сладко похрапывала в своем загоне.

Перед курятником стоял деревянный чурбак, на котором лежал тупой, покрытый ржавчиной кухонный нож. Чанся опустился перед чурбаком на корточки, взял нож и с глухим стуком — «дон-дон-дон» — принялся крошить капустные листья.

Семь-восемь несушек тут же обступили его со всех сторон, просовывая головы сквозь щели бамбуковой изгороди; они нетерпеливо кудактали, ожидая кормежки.

Один лишь гордый, высокомерный петух взлетел повыше и уселся на самую крышу птичника, взирая на всех свысока. Его гребень был ярко-красным и блестящим, а мощное телосложение придавало ему на редкость представительный вид.

Услышав тяжелый взмах крыльев, Чанся поднял голову, бросил взгляд на птицу и, вспомнив, как каждое утро этот петух оглашает округу громким, звучным пением, в очередной раз подивился его силе и стати.

Закончив крошить зелень, мальчик обухом ножа смахнул измельченные листья в старый бамбуковый поднос, стоявший прямо под чурбаком.

Пэй Яо высоко, на вытянутых руках приподнял этот поднос и, приподнявшись на цыпочки у низкого края изгороди, вывалил капустное крошево прямо внутрь курятника.

Куры с шумом и гамом бросились сквозь толчею клевать еду, и лишь когда они немного насытились, большой петух соизволил слететь со своего насеста на крыше.

Стоило ему приблизиться, как куры послушно расступились, уступая дорогу хозяину.

Впрочем, беспокоиться о том, что петуху достанутся одни лишь объедки, не приходилось: раз в несколько дней старый Пэй Цзаоань сам приносил пару хороших, крепких капустных листьев, мелко рубил их, смешивал с основным кормом и высыпал в широкогорлый приземистый глиняный горшок рядом с кормушкой.

То была личная посуда большого петуха, и куры не смели соваться туда без спроса; если же какая-то вороватая несушка осмеливалась тайком склевать оттуда крошку и тем самым гневаила петуха, он принимался яростно преследовать её и больно клевать.

Старый Пэй Цзаоань души не чаял в этом петухе; остальные домочадцы вечно забывали побаловать птицу сочной зеленью, и только дед всегда помнил об этом и следил, чтобы хозяину курятника доставалось всё самое лучшее.

Дети, не сговариваясь, постояли у изгороди еще немного, наблюдая, как птицы клюют корм.

Услышав голоса, доносившиеся с переднего двора, Чанся опомнился. Он повернулся, собираясь уходить, но на миг замешкался, не зная, стоит ли позвать Пэй Яо с собой обратно.

Пэй Яо хоть и был ужасным озорником, но ленивым не рос; в этом году его потихоньку начали приучать к хозяйству, и стоило его окликнуть, как он тут же принимался за дело, никогда не отлынивая и не пытаясь схитрить.

Заметив, что Чанся уходит, малыш перестал подражать курам и кивать головой, а забавными прыжками припустил следом за ним.

Сегодняшний день выдался таким же теплым, ясным и погожим.

Едва Чанся и Пэй Яо вернулись с заднего двора, взрослые тут же поручили без усталости выбивать постельные принадлежности.

Одеяла и матрасы, которые уже довольно долго грелись на солнышке, источали приятный, густой аромат тепла, уюта и чистоты.

Глухое выбивание поднимало мелкие пылинки, которые танцевали на солнце.

Увлечшись работой, Пэй Яо вскоре с головой залез под одно из одеял и, спрятавшись там, с веселым смехом принялся пробираться сквозь теплые складки.

Чанся же не смел отвлекаться на шалости; когда у него уставала одна рука, он просто сменял ее на другую и продолжал работать.

На расстеленных прямо посреди двора бамбуковых циновках сушилось огромное количество хлопкового волокна.

Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа усердно стирали одежду. Пользуясь тем, что сегодня выдался свободный день, а солнце припекало вовсю, они с самого утра распоролы зимние ватники всех четверых взрослых членов семьи.

Стоило хлопку немного полежать на солнышке, как он распушился и поднялся; теперь его нужно было слегка прижать, разровнять, и, когда вещи сошьют заново, это опять будут отличные, теплые ватные одежды.

У Пэй Яо к Новому году уже был припасен совершенно новый праздничный наряд, а вот у взрослых обновки не предвиделось, поэтому им приходилось заранее стирать и сушить свои старые, но еще не покрытые заплатами вещи, чтобы встретить праздник в пристойном и опрятном виде.

Что же касается Чанся, то для него тоже готовили сменную одежду.

Верхние рубахи Чэнь Чжи перешивал из своих собственных чистых вещей, и эта работа была еще не закончена, а нательные и верхние штаны они купили в Старом Поселении. Вчера их полностью распоролы и выстирали, и теперь они мирно сушились на деревянных вешалах.

Почувствовав, что в руках разлилась тягучая усталость, Чанся поднял глаза и посмотрел в сторону Пэй Яо.

Пэй Яо всё еще самозабвенно играл; не выбитым оставался всего один матрас, и Чанся колебался, не зная, стоит ли ему подойти и помочь маленькому брату.

В этот момент из кухни вышел Чэнь Чжи с полным ведром горячей воды. Увидев сына, который с веселым писком ползал под одеялами, и нерешительные, робкие шаги Чанся, не смеявшего подойти ближе, фулан прикрикнул:

— Ах ты, негодник! А ну прекращай баловаться! Остался всего один твой матрас не выбит, живо принимайся за дело и заканчивай!

Он вылил кипяток в таз для стирки, разбавляя его холодной водой. Какими бы обильными ни были запасы дров в их доме, тратить крутой кипяток на обычную стирку никто бы не позволил, поэтому воду делали просто теплой — лишь бы она не леденила руки.

Но даже при этом, пока они стирали, вода в тазу быстро остывала и становилась холодной.

Деревенские жители давно привыкли к ледяной воде, а уж Доу Цзиньхуа и подавно: её огрубевшие, иссушенные тяжелым трудом ладони под конец стирки сильно покраснели и припухли, но старуха словно и не замечала этого, продолжая усердно тереть и полоскать холст в воде.

Пэй Юва в это время трудился на крыше, то и дело сбрасывая вниз охапки старой, подгнившей соломы.

Во дворе уже лежали заготовленные с осени, туго связанные снопы чистой, сухой соломы. Старый Пэй Цзаоань, обхватив одной рукой плотный сноп, другой придерживался за перекладины лестницы и медленно поднимался наверх, на крышу.

Этот год выдался удачным: самый нижний слой кровли, состоящий из бамбуковых планок и плетеных циновок, остался целым, не подгнил и не покрылся плесенью, так что чинить его не требовалось.

Починка соломенной крыши — дело, в сущности, простое: нужно было всего лишь заменить верхний слой, уложив свежую, плотную и сухую солому.

Пока вся семья была поглощена работой, греющаяся на солнышке желтая собака вдруг резко вскочила на лапы и звонко залаяла в сторону ворот.

— Кто там еще пожаловал? — вскользя бросил Чэнь Чжи и, поднявшись на ноги, направился к калитке, чтобы посмотреть на дорогу.

Увидев, что у бамбуковой изгороди остановилась ослиная телега Чжао Ляньсина, он поспешно прикрикнул на собаку, заставляя её замолчать, и крикнул Пэй Юва:

— Брат Ляньсин приехал!

Приезд Чжао Ляньсина заставил всю семью немного подсуетиться, но вскоре в восточной комнате на столике на кане уже были чинно расставлены горячий чай и сушеные угощения.

Еще в те времена, когда Доу Цзиньхуа жила в своем девичьем доме в семье Доу, она близко общалась с матерью Чжао Ляньсина.

И пусть они приходились друг другу довольно дальней родней, никаких обид или недомолвок между ними никогда не было, а по старшинству поколений Чжао Ляньсин должен был уважительно величать её тетушкой.

Именно благодаря этому родству Пэй Юва смог заняться торговлей.

Для простых крестьян, привыкших всю жизнь ковыряться в земле, собраться в торговый караван и отправиться торговать — дело ох какое непростое, пусть даже товары у них были самыми обычными. В обычное время все они гнули спину на своих наделах, ухаживая за посевами, и могли позволить себе такой промысел только в период зимнего затишья.

Зима — пора суровая, а дальняя дорога всегда полна лишений и тягот.

Человек, стоящий во главе такого дела, должен обладать не только недюжинной смелостью и твердым характером, но и досконально знать обычаи и нравы тех мест, через которые пролегает путь, а уж направление дорог и вовсе обязан помнить как свои пять пальцев.

Чжао Ляньсин еще по молодости лет много натерпелся, ходя с большими купеческими караванами, и повидал немало дальних краев, так что в их округе он по праву считался человеком на редкость толковым и бывалым.

В область Мэйчжу за товаром он водил людей уже добрых восемь-девять лет.

Изначально их путь лежал еще дальше на юго-восток области Мэйчжу — в городок Цзиньмэй, откуда они везли сушеные сливы, сливовую пасту, цукаты и всевозможные сладости из этих плодов.

В области Мэйчжу сливы росли повсюду, особенно в её юго-восточной части, где климат был куда более влажным и теплым.

Сортов сливовых деревьев и готовых лакомств там было великое множество, и слава о них гремела далеко за пределами края. Привезенный оттуда товар перепродавали в родной области Яньцю, и чистая прибыль от такой торговли была несопоставима с копеечным доходом от продажи обычных овощей и зерна.

Семья Чжао Ляньсина не бедствовала; в юности он исколесил полстраны, ум имел изворотливый, да и смекалкой бог не обидел. Покинув большой караван, он собрал собственную артель из односельчан.

И пусть в их распоряжении были всего лишь ослиные да мулиные телеги, благодаря торговле сливовыми лакомствами он сколотил неплохой капитал, и жизнь его семьи была весьма зажиточной.

Однако с прошлого года он перестал водить людей в городок Цзиньмэй.

В позапрошлом году повсюду свирепствовала страшная засуха, а в прошлом году, как раз когда посевам надлежало пойти в рост, нагрянуло наводнение. В их родном городке Юньцзи дела обстояли еще сносно, а вот область Мэйчжу пострадала куда сильнее, и тамошние края начали понемногу оправляться от бедствия только к нынешнему году.

К тому же в прошлом году до Чжао Ляньсина дошли слухи, что на дорогах объявилось множество беглых голодающих и разбойников. Сам он к тому времени уже вошел в лета, и характер его стал куда более осторожным и осмотрительным, нежели в былые годы.

И пусть в его артели было восемь-девять крепких мужчин в самом расцвете сил, они всё же разительно отличались от заправских купеческих караванов, имевших при себе обученную охрану и оружие. Окажись они на безлюдной дороге лицом к лицу с толпой голодных

беженцев, отбиться и выйти из заварушки без потерь было бы делом почти невозможным.

Посему еще в прошлом году он на общем совете предложил не ходить в дальние края, а закупать товар прямо в городке Юньцзи и распродавать его по пути, переезжая из деревни в деревню.

Устроившись на кане в восточной комнате, Чжао Ляньсин вежливо расспросил Доу Цзиньхуа и Пэй Цзаоаня об их здоровье и пожелал им долгих лет.

Увидев, что Пэй Юва заходит в комнату с запечатанным кувшином вина в руках, он с улыбкой остановил его:

— Мне сегодня нужно еще заехать к Шуанцзы и остальным ребятам из артели, так что посижу у вас самую малость и поеду дальше. Вино побереги, в самые праздники загляну к вам — тогда и выпьем.

Пэй Юва ничего не оставалось, кроме как оставить мысль об угощении гостя хмельным.

Чжао Ляньсин и впрямь не стал задерживаться. В этом году они вернулись из похода поздно, сегодня было уже двадцать второе число двенадцатого месяца, домашних дел у всех накопилось невпроворот. Ему нужно было поскорее развезти заработанные деньги по домам артельщиков и засветло вернуться к своей семье.

Выйдя из дома во двор, он на миг замер, заметив стоявшего у крыльца Чанся. Мальчик выглядел куда чище и опрятнее, чем раньше.

Когда ребенок находился среди них, неотесанных мужиков, лицо ему, конечно, умывали исправно, но сам он всё равно оставался каким-то серым и запыленным от дорожной грязи.

Всё-таки детям место в доме, под присмотром заботливых рук.

Пэй Яо всё еще бегал по двору, не выпуская из рук плетеную хлопушку. Чэнь Чжи легонько потянул сына за край одежды и вместе с Чанся увлек его за собой — вся семья вышла за ворота, чтобы проводить гостя.

Малыш забавно склонил голову набок и, смешно сморщив пухлый носик, громко спросил:

— Дядя Ляньсин, ты уже уходишь? Ты ведь даже не поел с нами!

Услышав это простодушное детское приглашение, Чжао Ляньсин весело расхохотался:

— В другой раз, малыш, в другой раз обязательно приду к вам на обед. И ты тогда сядешь за стол вместе со мной, идет?

Пэй Яо принялся изо всех сил кивать своей маленькой головой, соглашаясь на уговор.

Каждый раз, когда в дом приходили родственники, обед всегда бывал куда богаче обычного, а иногда на столе даже появлялось настоящее мясо. Малыш всей душой желал, чтобы гости навещали их хоть каждый день.

Едва ослиная телега Чжао Ляньсина скрылась за поворотом, домочадцы семьи Пэй вернулись во двор и снова погрузились в свои нескончаемые хлопоты.

Лунный свет лился с ночного неба, чистый и холодный; его слабые отблески проникали в комнату сквозь тонкую оконную бумагу.

На жарко натопленном кане с самого края, по правую сторону, лежал Чанся. Левее от него по порядку устроились Чэнь Чжи, маленький Пэй Яо и Пэй Юва.

Ночь только-только вступила в свои права, и никто из четверых еще не успел уснуть.

Чэнь Чжи и Пэй Юва вполголоса подсчитывали семейные сбережения и прикидывали, сколько и каких припасов нужно будет приобрести к праздничному столу.

Сегодня Чжао Ляньсин привез им восемь цяней серебряного лома — то была чистая плата Пэй Юва за участие в торговом походе. Изначально ему причитался один лян и три цяня, но поскольку перед уходом он взял в долг пять цяней, на руки ему досталось всего восемь.

Каждый год плата артельщикам рассчитывалась строго из того, какую прибыль принесла торговля. Последние два года доходы были скромными: в прошлом году, к примеру, вышло всего один лян и два цяня.

А вот в первые годы, когда они возили сливовые лакомства из самого городка Цзиньмэй, заработки были куда щедрее — в один из удачных годов Пэй Юва привез домой почти пять лянов серебра.

И пусть странствия в зимнюю стужу были делом изнурительным и полным лишений, такой промысел позволял сберечь домашние запасы зерна больше чем на месяц, да еще и приносил живые деньги.

У простых деревенских жителей путей для заработка было раз-два и обчелся, так что иметь подобный доход в период зимнего безделья считалось большой удачей. По крайней мере, главе семьи не приходилось сидеть дома сложа руки и проедать последние крохи.

Пэй Яо никак не мог уговориться в постели: он то жаловался, что ему слишком жарко, то хныкал, что хочет пить.

Чэнь Чжи пришлось накинуть на плечи верхнее платье, спуститься с кана и налить сыну воды из кувшина. Когда же он вернулся на постель, Пэй Яо принялся ворочаться еще пуще и без конца пинать одеяло.

Папа сделал ему пару замечаний, требуя лежать смирно, но малец лишь капризно захныкал — этот плаксивый и капризный тон всегда ужасно раздражал Чэнь Чжи.

Пэй Яо изо всех сил пытался поддать одеяло ногами повыше, чтобы под него просочился живительный прохладный воздух из комнаты.

Поскольку папа и сын укрывались одним большим общим одеялом, в разогретую постель тут же ворвался леденящий сквозняк. Терпение Чэнь Чжи лопнуло: он протянул руку и со всей силы ущипнул сына за упитанную попку.

Пэй Яо вскрикнул от боли, но деваться ему в тесной постели было абсолютно некуда, так что он лишь скорчил жалобную гримасу и пару раз громко шмыгнул носом, пустив слезу.

Чанся, лежавший на противоположном краю постели, всё это время вел себя тише воды, ниже травы. Услышав, как папа шлепнул Пэй Яо, он и вовсе затаил дыхание, боясь пошевелиться.

Одеяло было на редкость теплым и уютным, оно плотным коконом окутывало его худое тельце. Благодатный жар, поднимавшийся от глинобитного кана, согрел его спину и конечности, прогоняя прочь застарелый холод, от которого кости ломило, словно изо льда. И сам не заметив как, мальчик погрузился в глубокий, спокойный сон.

Немного покапризничав и выплакавшись, маленький Пэй Яо тоже закрыл глаза и вскоре спал без задних ног, раскинув руки и ноги во все стороны.

Ночь сгустилась над деревней, укрыв всё вокруг глубокой, безмолвной тишиной.

На следующее утро Чанся внезапно очнулся от сна, услышав звонкий, сонный детский голосок, позвавший: Папа!.

Солнце уже высоко поднялось над горизонтом, и на кане остались только они вдвоем с Пэй Яо.

Малыш сидел прямо поверх одеяла и усердно тер кулачками заспанные глаза. На его призыв из дома никто не откликнулся, лишь со двора донеслось одинокое тявканье желтого пса.

Чанся выудил из-под одеяла припрятанную там с вечера одежду (чтобы она оставалась теплой), быстро оделся сам, а затем принялся помогать Пэй Яо.

Сам он был еще мал, руки его не обладали силой и сноровкой взрослых, так что если натянуть на брата рубаху особого труда не составило, то со штанами им пришлось повозиться вдвоем, помогая друг другу.

Кое-как, с грехом пополам справившись с одежкой, Пэй Яо кубарем скатился с кана и, даже не поправив толком обувь, со всех ног припустил к дверям.

Едва открыв глаза, он сразу вспомнил, что сегодня наступило двадцать третье число двенадцатого месяца — а значит, пришло время лакомиться сладкими сахарными фигурками, что были спрятаны в подвесной корзине.

Чанся аккуратно сложил и разровнял постели и только после этого вышел из комнаты.

Желтый пес, весело виляя хвостом, тут же бросился ему навстречу. Он ни разу в жизни не тявкнул на Чанся, словно каким-то звериным чутьем понимал, что этот мальчик теперь свой.

Поскольку собака никогда не пыталась напугать его, Чанся ничуть её не боялся.

— Проснулись наконец? Раз встали — живо умываться, вода в котле как раз согрелась, — донесся из кухни громкий голос Чэнь Чжи.

Чанся взял деревянный таз и зашел на кухню, чтобы зачерпнуть теплой воды.

Доу Цзиньхуа и Чэнь Чжи всю скоблили и чистили кухню. Сегодня было двадцать третье число, и на закате солнца полагалось совершить обряд Проводов Бога Очага, так что каждый потаенный уголок и щелочку в кухонном помещении следовало вычистить до зеркального блеска.

На заднем дворе тоже всю кипела работа: Пэй Юва и старый Пэй Цзаоань чистили курятник и свинарник, а также собирались подлатать навес для осла.

Перед Новым годом дел у всех было невпроворот. В доме хватало взрослых рук, так что Чанся и Пэй Яо были еще слишком малы, и будить их спозаранку никто не стал.

Дети, зажав в руках бамбуковые щеточки для зубов, выстроились во дворе и принялись полоскать рот, а затем принялись пригоршнями черпать воду из таза и плескать её себе в лица.

Пэй Яо умываться умел отлично, так что помощь Чанся ему не требовалась.

На кухне Чэнь Чжи как раз стирал плотный слой серой пыли с боков глиняного кувшина для масла. Подняв голову, он увидел вошедшего в двери сына, который преданными, горящими глазами безотрывно смотрел на него снизу вверх.

Прямо к потолочной балке кухни была привязана крепкая пеньковая веревка, к нижнему концу которой на железном крюке был подвешен бамбуковый короб.

Чэнь Чжи приподнялся на цыпочки, высоко вытянул руку и, придерживав короб за донышко, аккуратно снял его вниз.

С доброй улыбкой он запустил внутрь руку и выудил оттуда две длинные палочки с сахарными фигурками :

— Вот, держите, каждому по штуке. И смотрите у меня, много сладостей в рот не тащить! Вот совершим вечером обряд Проводов Бога Очага, снимем со стола круглые сахарные тыковки — и завтра каждый из вас получит по целой конфете.

Пэй Яо пришел в неописуемый восторг. От радости его большие глаза сузились в забавные щелочки-полумесяцы. Запихнув длинную палочку сахара прямо в рот, он мелкой рысцой припустил во двор, спеша отыскать Чанся.

— На, держи, — выдохнул он, протягивая ребенку раскрытую ладонь.

Чанся аккуратно взял сладость. Опустив глаза, он разглядывал длинную палочку сахара, сплошь обсыпанную ароматными зернами кунжута, и не удержался — откусил маленький кусочек.

Несколько сладких крошек сорвались вниз, и он поспешно подставил ладошку, ловя их на лету.

Сахар оказался невыразимо сладким, кунжут — ароматным и маслянистым, и эта масса приятно липла к зубам.

В прошлый год, двадцать третьего числа, они с сестрой на двоих разделили всего лишь половинку такой сахарной палочки. У их семьи не было денег на покупку сладостей, и эту конфету их матушка со слезами на глазах вымолила у одной добросердечной деревенской старушки.

Несколько крупных, тяжелых слезинок сорвались с ресниц мальчика и беззвучно упали на утопанную землю двора.

Окошко кухни было приоткрыто, и Чэнь Чжи, выглянув наружу, крикнул:

— Ну что, умяли свои сладости? Раз закончили, живо марш сюда! Поможете вытащить скопившуюся в печи золу на задний двор, пускай отец её в кучу высыплет.

Пэй Яо с веселым криком вприпрыжку убежал в дом.

Чанся поспешно вытер глаза кулачком, в один миг откусил и засунул в рот весь оставшийся кусок сахара и торопливо бросился за ним, спеша приняться за работу.

Чэнь Чжи обернулся и, увидев покрасневшие, полные слез глаза Чанся, не на шутку перепугался:

—Что такое? С чего вдруг плакать удумал?

Но стоило словам сорваться с его губ, как он в то же мгновение сообразил, в чем была истинная причина этих слез.

Чанся сильно испугался, что его накажут. Он отчаянно замотал головой и тоненьким, едва слышным голоском выдавил:

— Я не плачу...

В своей детской наивности он полагал, что раз он успел утереть слезы, то никто ни о чем не догадается.

Вместе с притихшим Пэй Яо они продели прочную деревянную жердь сквозь ушки большой бамбуковой корзины, доверху наполненной серой печной золой, и, натужно кряхтя, понесли её на задний двор.

Оставшиеся на кухне взрослые какое-то время стояли словно громом пораженные.

Чэнь Чжи и Доу Цзиньхуа погрузились в глубокое молчание. Они сознательно избегали этой темы, не произнося ни слова, и лишь ниже опустили головы, со всей силой налегая на работу.

Казалось, произнеси они сейчас хоть одно-единственное слово — и они своими руками расковыряют ту крошечную, едва затянувшуюся рану в сердце ребенка, которую тот так отчаянно пытался скрыть от чужих глаз.

<http://bllate.org/book/17875/1721507>